

Я назвал, глядя в камеру интерфона, прикреплённого к столбу.

Ворота из кованого железа автоматически разошлись в стороны. Я въехал. Во двор особняка вела аллея из кипарисов и олив, вековых, как минимум. Со всех сторон — цветущие клумбы, ровные лужайки. Одна зелень, украшающая двор, стоила миллионы. Это слегка давило. А ведь я заранее готовил себя к встрече с миллиардером Леоном Горансом.

Машины я оставил на парковке и пошёл к крыльцу. Дом впечатлял. Три этажа. Фасад был отделан декоративным камнем. Сказочный замок.

В лобби тоже кругом пышная зелень, чистая, ухоженная.

Меня встретил лакей, одетый в ливрею.

Вслед за лакеем выступили двое из охраны, в чёрных костюмах.

Сканер и металлоискатель дали им возможность убедиться, что я без оружия.

Не так уж много здесь охраны. Видимо, хозяин больше доверяет технике.

Лакей показывал дорогу. У высокой двери на втором этаже почтительно поклонился.

Блуждания по дому закончились. Я ступил в кабинет.

Чёрная кожа. Столики чёрного дерева с гнутыми ножками.

В нишах стен — какие-то бюсты.

Хозяин сидел за письменным столом в глубине. Он и сам напоминал застывший бюст — в белом костюме, седой, бледный.

Ритуал приветствия хозяин сомкнул.

Приступил к деловой части, поглядывая в распечатку, лежащую на столе. Говорил тихо и монотонно, слабым голосом.

Людей вроде меня зовут, когда что-то произошло, а в полицию обратиться нельзя. Боязнь огласки у богатей иной раз носит мистический характер. И вот поэтому конфиденциальность в моей деятельности является важнейшей составной частью профессионализма.

Я молча слушал, не делая записей, хотя многое запомнить трудно. Пусть клиент думает, что у меня в голове компьютер. Всё равно потом он даст мне распечатку. Леон Горанс помолчал, несколько раз пробежал глазами лист — не упустил ли чего.

Аванс я получил, распечатку и несколько фотографий — тоже.

Идеальный вариант

Валерий ГВОЗДЕЙ

Напоследок Горанс спросил:

— Что ещё вам потребуется?

У частного детектива ответ на такой вопрос должен быть наготове.

Храня самый чистосердечный вид, я сказал:

— Неограниченный расходный счёт.

— Хорошо. Информировать меня о каждом шаге.

— Непременно.

Я несколько покривил душой. Отчётами я себя никогда особо не утруждаю.

Предстояло отыскать пропавшего сына. Такие случаи у меня уже были. У богатей всегда проблемы с детьми. У бедняков тоже хватает проблем с детьми, но у богатей эти проблемы как-то нагляднее.

Иной раз детей похищают с целью выкупа. Иной раз дети сами инсценируют похищение, чтобы родители обратили на них внимание. Бывает, что избалованное чадо сбегает из дома в поисках новых впечатлений. А порой всё происходит из-за пылкой влюблённости.

О мотивах я думаю, когда они важны для поисков.

Роби Горансу недавно исполнилось семнадцать лет. Единственный ребёнок. К тому же — возраст. Повышенная эмоциональность, гормональные всплески. Известное дело.

Никакой записки Роби не оставил — пропал, возвращаясь с теннисного корта. Пока что с требованием выкупа никто к его отцу не обратился.

Покинув особняк, я неспешно ехал к го-

роду, в контору. На ходу размышлял, прикидывал свои первые шаги.

Слежку я заметил сразу. Велась она по-дилетантски, неуклюже. Причём, использовалась только одна машина, старый тёмно-синий «форд». За рулём сидел незнакомый тип в шляпе и в чёрных очках.

В городе я решил оторваться: перестраивался из одного ряда в другой, разогнался и резко сбрасывал набранную скорость, давал сигнал поворота и ехал после этого прямо. Но «хвост» не отставал. Между тем, плотность транспортного потока увеличивалась. И для манёвров всё меньше возможностей.

Заметив впереди кафе, я припарковался, хотел выпить чашечку «эспрессо» и посмотреть, что будет.

Через минуту вошёл мой упорный преследователь, в шляпе и с длинными волосами — на манер рок-музыкантов семидесятых. Волосы натуральными не выглядели.

Более нелепого соглядатая вообразить трудно.

Это был невысокий, щуплый человек явно холерического темперамента, с порывистыми, резкими движениями, с гротескной мимикой. Он держался нервно и озирался по сторонам. С целью маскировки сел за столик, но даже выбрать хорошее, удобное место не смог — торчал как пень среди пустующих столиков.

Чтобы создать впечатление сугубой непринуждённости, снял шляпу, вместе с париком. И стал ею обмахиваться, потому что взмок.

Когда заметил оплошность, хлопнул по лысине, схватив парик, нахлобучил на голову.

Покраснел.

Честно говоря, он вызывал жалость.

Поймав его косою взгляд, я кивнул, словно приветствуя друга.

Его реакция была неожиданной.

Он вскочил, устремился ко мне, сел передо мной. Сорвал с лица очки. Я увидел его глаза, карие, выпученные, растерянные.

— Вы работаете на Горанса?.. — то ли спросил, то ли упрекнул преследователь.

— Вам-то что?

— Он служит дьяволу!

— Откуда вы знаете? Вам сказал дьявол?

— Журналист не раскрывает свои источники!..

— Так вы журналист?

— Да, Себастиан Рош... Я веду журналистское расследование.

— И что вам нужно?

— Как что? Вы не должны сотрудничать с пособником дьявола!..

О, господи... И это говорит человек, проживший лет сорок пять, даже больше...

— Оставьте меня в покое, — сказал я твёрдо. — Не хочу применять жёсткие меры, но если буду вынужден — применю.

Газетчик отпрянул, глядя с ужасом.

* * *

Не успел Рош выскочить за дверь — явилась полиция.

Удивляться нечему, хотя что-то уж очень быстро.

Лейтенант Хорст, в сопровождении верного сержанта Орвида.

Мятые костюмы и столь же мятые лица. Всё как в кино.

Оба сели напротив.

Я приветливо улыбнулся давним знакомым:

— Как поживаете, ребята?

Хорст размениваться на улыбки не стал.

— Что новенького у Горанса? — вдруг спросил он.

— Я не справочная.

— Соккрытие любой информации, которая помогла бы задержанию преступника, является преступлением. Это серьёзное обвинение, Кас. Не забывай.

Горанс утверждал, что не обращался в полицию. Тогда с чего такой прессинг?

Я отпил из чашки:

— В чужие дела не лезу. И вправе ждать того же от других.

— Ты играешь в опасные игры. В них бывает всякое. Будь осторожен.

— Почему вообще речь о Горансе?

— У него огромное состояние. Экономика страны в немалой степени зависит от того, кто и как будет управлять этим бизнесом. В общем, тут многое завязано.

— Горанс подал заявление? Возбуждено дело?

Они переглянулись. Сержант закричал.

— Ты всегда был ехидным, — вздохнул лейтенант. — Заявления Горанс не подавал. Но мы в курсе происходящего, имей в виду. Горанс — один из столпов экономики. Все твои поступки должны быть взвешенными.

— И каких поступков вы ждёте?

— Вот мой телефон. Позвони, когда набьешь что-нибудь.

Все полицейские хотят, чтобы я делился информацией.

Телефон Хорста у меня, конечно, был, но я взял карточку. Это ни к чему не обязывало и, тем не менее, как бы разряжало обстановку.

— Ну а какая роль отводится Рошу?

— О чём Рош болтал с тобой?

— О дьяволе.

— Понятно. Он заправляет газеткой, небольшой, христианского толка. Живёт бедно, жена его бросила. Так что забудь об этом мелком идиоте.

Я кивнул. Размышления о мелком идиоте Роше тут же уступили место размышлениям о крупном идиоте Хорсте.

Его слова об экономике слегка настораживали. Возникло ощущение, что лейтенант поёт с чужого голоса. Тревожный симптом.

Как бы тут не были замешаны какие-то более влиятельные структуры.

Полицейские встали. На прощание Хорст сказал:

— Не забывай списывать транспортные расходы в счёт налогов.

Опять про экономику.

Но озадачен я был другим.

Почему Рош, никто, по словам Хорста, первым завёл разговор о Леоне Горансе? Я нашёл редакцию газетки, руководимой Себастианом Рошем. Она уютилась в облезлом полуподвале. О процветании газеты и речи не было.

Дождавшись вечера, последил за газетчиком. По дороге он заехал в супермаркет. Вынес два больших коричневых пакета. Задержался на обочине, возле урны, бросил в неё что-то.

Пока он укладывал пакеты в багажник, я подошёл к урне, вынул список покупок.

Еды многовато на одного, только это ни о чём не говорит, он мог запастись впрок. Джинсы, футболки, нижнее бельё. Тоже ничего особенного.

Хотя...

Вся купленная одежда велика мелкому Рошу... А вот сбежавшему Горансу-младшему — в самый раз. Да, размеры совпали с указанными в распечатке.

Недооценил газетчика лейтенант Хорст. Но кто же на него подумает...

Неужели задача будет решена в первый же день?

Рош приткнул свой «форд» в переулке, заставленном мусорными контейнера-

ми, и вошёл в дом. Скоро на втором этаже вспыхнул свет.

Я побродил вокруг, изучая обстановку. Район тихий, малолюдный.

Иногда мои действия не вполне соответствуют нормам закона. Главное — чтобы никто не схватил за руку.

Я хорошо подготовился. Надел чёрное, спортивное.

Глубокой ночью вернулся в переулок.

Незадолго до рассвета проник в подъезд. Универсальный комплект отмычек помог справиться с верхним замком. И с нижним. Без шума. Роби я нашёл в гостиной, при свете ночника в форме совы. Юноша спал на диване. Из спальни доносился громкий храп газетчика.

Прыснув из баллончика в лицо Роби — чтобы сон его стал глубоким, я поднял тощего и лёгкого юнца на руки, понёс к выходу.

Себастиан Рош не проснулся, храпел всё так же.

Роби я устроил на заднем сидении. Рот ему заклеил скотчем, руки и ноги замотал.

Надо признать, что мне здорово повезло. А помог дилетант Рош.

На рассвете, с первыми лучами, я оставил у ворот особняка.

Позвонил по телефону Горансу. На мою удачу, бизнесмен уже встал, а может, он вообще глаз не сомкнул этой ночью, переживал.

Я доложил о завершении дела и попросил Горанса приготовить чек.

— Да, вы эксперт, — сказал Леон Горанс, прощаясь, когда Роби устроили в спальне.

Домой я вернулся к семи. Закусил немного и лёг спать.

* * *

Разбудил меня звонок в дверь, настойчивый, агрессивный.

Вставать? Не вставать? А вдруг это потенциальный клиент?

Горанс заплатил хорошо. Всё же я не верю, что бывают лишние деньги.

Я поднялся, натянул брюки и футболку. Чертыхаясь и морщась от неутрахающих звонков, пошёл открывать.

Рош ворвался в прихожую, чуть не сбив меня с ног. И, очевидно, боясь, что выставлю его за дверь, сразу пролетел в гостиную.

Когда я проследовал за ним, он стоял за стулом, вцепившись в деревянную спинку, будто хотел им загородиться.

Рош дышал тяжело, стиснув зубы. В похищении Роби он подозревал, конечно же, меня.

И у него, судя по всему, накопились эмоции.

— Присаживайтесь, — сказал я, пытаясь вести себя вежливо.

Рош не слушал. Ему сейчас было необходимо выплеснуть своё негодование:

— Что вы наделали!.. Они же убьют Роби!.. Используют как донора для Горанса!..

Взяв со стола пачку сигарет, пряча усмешку, я закурил:

— Правда? Какие же органы планирует извлечь из Горанса-младшего?

— Наоборот! Орган будет извлечён из Леона Горанса! И пересажен — Роби!..

Я улыбнулся и сел на диван:

— А говорите — убьют Роби... Что-то не сходится.

— Вы ничего не понимаете!

— Верно, я ничего не понимаю. Ворвались в дом, ни свет ни заря, подняли с постели... Я, к вашему сведению, работал ночью. Вы лишаете меня законного отдыха.

Мои слова о ночной работе вызвали у газетчика вспышку ярости: он скрипел зубами, его затрясло. Рош, наверное, кинулся бы на меня. Только жизнь научила маленького человека не переоценивать собственные физические возможности. Пожалуй, так наш разговор затянется.

Я решил помочь газетчику, задал навязчивый вопрос:

— Какой орган? Вы знаете?

— Головной мозг.

— Что?.. — Я вытаращил глаза. — Бред!

Себастиан Рош заставил себя успокоиться и сказал:

— Леон Горанс тяжело болен. В его распоряжении всего несколько месяцев. Я понятия не имею, как там с наследственностью, но сейчас мальчик здоров. А Горанс — умирает.

— Такое возможно? Я имею в виду операцию по пересадке человеческого мозга.

Рош горько усмехнулся.

Дальше он говорил, обращаясь к стене. Кажется, ему не хотелось видеть моё лицо.

— Одна из компаний Горанса выпускает медицинское оборудование, там недавно освоено производство электронных хирургов. Десятки манипуляторов, с огромным быстродействием. Используются также наноботы, узкоспециализирован-

ные, безотказные... Конечно, управляет всем процессом компьютер. Пересадка человеческого мозга уже не проблема — только найти подходящего донора.

— Жертвовать сыном?.. Это слишком. Леон Горанс легко мог найти подходящего донора — на стороне.

— Очень важна совместимость. Отторжение тканей — бич всех пересадок... В этом случае близкий родственник — идеальный вариант. А кроме того, процедура наследования упрощает дело. Это будет выглядеть, как вступление молодого наследника во владение имуществом... Король умер, да здравствует король.

Я вспомнил застывшее, бледное лицо Горанса, почти неживое.

Стало не по себе.

Несмотря на своё богатство, Горанс не может купить вечную жизнь, бессмертие.

Но личность Горанса важна, куда важнее личности его сына, юного оболтуса.

Видимо, есть вещи поважнее родственных чувств.

— Почему Роби не заявил властям? — спросил я.

— Вы бы его словам поверили? Жена Горанса как-то узнала об этих замыслах.

Кинулась в полицию. А попала — в автомобильную катастрофу. Погибла. В случайность я не очень верю. Юноша был испуган, был в отчаянии. Сбежал из дома, но просто не знал, куда обратиться... В газетном киоске увидел наш заголовок. И пришёл в редакцию. Всё спонтанно. У молодых это бывает.

Я поскрёб щетину, отросшую с прошлого утра.

Голова шла кругом. Было необходимо отстраниться, увеличить дистанцию между собой и жуткой, леденящей кровью историей:

— Чего же вы хотите? Зачем пришли ко мне?

— Тоже не знаю, куда обратиться... Вы сможете потом жить?

Рош внимательно посмотрел в мои глаза и произнёс с тяжёлым вздохом:

— Наверное, сможете...

Он пошёл к выходу, на прощание кивнув стене.

Хлопнула дверь.

Я неподвижно сидел на диване.

Шевелиться не хотелось. Было такое впечатление, что я постепенно выпадаю в осадок.

Возникла же мысль — отказаться от

этой работы. Но всё пошло так быстро и так гладко, что я соблазнился, не прислушался к голосу осторожности, к своей интуиции.

Видимо, лучше уехать на время, в глубокой норе дожидаться, когда спадёт напряжение.

Сборы лучше не откладывать.

* * *

Спустилась ночь, а я всё ещё был в городе.

Мне хотелось поговорить с Рошем.

В окнах Роша не горел свет. Газетчик на звонки не реагировал. Дверь не открывал. Тогда я поехал в редакцию.

Наверное, сидит у компьютера и сочиняет гневную статью о безнравственности сильных мира сего.

Машину я оставил за полквартила и пошёл быстрым шагом.

В безлюдном, тихом проулке тускло светил единственный фонарь. В темноте я с трудом разглядел, что массивная дверь, ведущая в полуподвал, чуть приоткрыта.

В одном из окон свет был. Точно, сидит и кропает. Весь отдался праведному гневу, даже не запер дверь. А ночной сторож газете противопоставлен, ввиду крайней скудости бюджета.

Я вошёл, двигаясь мягко и осторожно.

Реактивный лайнер с рёвом пролетел в небе, заставив мелко вибрировать стёкла. Я было ускорил шаг, но...

Выстрел в помещении здорово оглушает, даже при таком реактивном аккомпанементе.

Я подкрался к двери в освещённую комнату. Заглянул краем глаза.

Какой-то высокий человек в чёрном вынимал жёсткий диск из старого компьютера. При этом газетчика, сидящего рядом на офисном стуле, игнорировал совершенно.

Орудовал ловко, хотя и одной рукой, в другой руке у него был израильский «дезерт игл», массивный, хромированный, сорок четвёртого калибра.

Я затаил дыхание.

Лишь полный кретин пойдёт грудью на сорок четвёртый калибр. Я тихо отступил в тень, а затем и дальше по коридору, за угол.

Человек в чёрном вышел, неся в руке пакет с жёстким диском. В правой он по-прежнему сжимал «дезерт игл».

Потом я услышал, как ночной посетитель скрипнул входной дверью. Шаги стихли.

Выждав минуту, я вошёл в комнату. Рош сидел на стуле, но выглядел мёртвым. Каковым, собственно, и был. Рубашка залита кровью. Глаза распахнуты в изумлении. Сердце разорвано в клочья. Хоть умер сразу. Лёгкая смерть. Гильзы не видно. Гость забрал её с собой.

Тронув веки Роша, я с лёгким усилием сдвинул их вниз, опустил на стекленеющие глаза. Больше ничем помочь не мог. Вряд ли мир содрогнётся, когда завтра утром станет известно о смерти газетчика.

Пора уходить.

Я припоминал, чего тут касался.

Ничего, почти. Лишь дверной ручки на входе. Я тщательно протёр её носовым платком.

Возвращался к машине, держась ближе к стенам домов.

Нелепого Роша было жалко.

Я скрипел зубами. И злился на себя. Нельзя позволять эмоциям брать верх.

Но мальчишка...

Он там совсем один. Его тело станет вместилищем для интеллекта папы, экономического гения, выдающегося деятеля бизнеса.

Рош умер, никто не выручит Горансамладшего, обречённого на заклятие. Да и

что Рош, какой с него спрос... Газетчик и при жизни был, если уж по совести... Ладно, хватит. Кто умер — тот умер.

А спрос только с живых.

Кто у нас живой?

Я у нас живой. Пока, во всяком случае.

Такие мысли крутились в моей голове, когда я летел по ночным улицам к себе.

В моём арсенале несколько пистолетов. Использую разные, в зависимости от конкретной ситуации.

Порой нет инструмента лучше «магнума». Настоящая, мужская вещь.

У «магнума» разрывные пули с мягкой свинцовой головкой, выстрел из него отбрасывает человека — словно удар мчащегося грузовика. Да и сам вид револьвера внушает уважение.

Я достал револьвер из оружейного сейфа, почистил и смазал.

Вставляя в барабан тяжёлые патроны, словно чувствовал смерть в каждом из них.

Похоже, и эту ночь я не буду спать. Но плату спросить не с кого.

Подготовка отняла больше времени, чем я рассчитывал. Некоторые меры я продумал уже по ходу.

Охранная система в особняке Леона Горанса быть для меня секретом перестала ещё в первый, столь памятный визит.

Поднимаясь по каменной лестнице вестибюля, среди пальм в кадках, я снял револьвер с предохранителя.

Из «магнума» стрелять не пришлось.

Сигнализация была отключена. А вместе с ней и видеокamеры. Люди и собаки усыплены с помощью дротиков-шприцев, из специального, компактного ружья.

Не зря моя специализация на прежней работе — скрытое проникновение.

Огромный дом, погружённый в сон, ослепший и оглохший, не заметил чужого.

Порой охватывало недоумение.

Зачем я здесь? Кто мне этот мальчишка — сынок миллиардера, наверняка избалованный? Я видел Роби только раз, спящим...

Вот и сейчас он спал, видно, под снотворным.

Я вынес его на плече. И уложил на заднее сидение. Рот залеплять не стал.

Если Горанс обратится ко мне, с просьбой вернуть сына, как было недавно, — я возьмусь, конечно.

Почему нет?

Я буду старательно искать. Буду готовить отчёты и документировать расходы.

Жаль, что не сумею найти Роби.

Такой удар по репутации... **TM**